

УДК 82.091

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Адельгейм И. Е.

**Поэтизированная индульгенция.
Феномен успеха романа Анджея Щипёрского «Начало»**

Адельгейм Ирина Евгеньевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование

Адельгейм И. Е. Поэтизированная индульгенция. Феномен успеха романа Анджея Щипёрского «Начало» // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 346–364. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Статья поступила в редакцию 20.11.2020.

Аннотация

Статья посвящена проблеме восприятия романа Анджея Щипёрского «Начало» (1986). Успех книги оказался чрезвычайно наглядным свидетельством тогдашнего состояния польского общества в плане отношения к проблеме участия / неучастия поляков в судьбе евреев во время Холокоста и выработки адекватного этой травме языка. Рецепция романа в очередной раз показала, что сбыт книжной продукции напрямую зависит от ее способности потакать требованиям широких слоев потребителей — и это совершенно necessarily касается низких жанров. «Начало» Щипёрского стало первым художественным шагом в общественной дискуссии, касающейся самого, вероятно, болезненного сюжета в истории Польши (связанная с ним историческая правда, десятилетиями замалчивавшаяся, с огромным трудом, вызывая сопротивление в самых разных кругах общества, прокладывает себе дорогу в светлое поле сознания — опыт стыда с трудом включается в багаж памяти, поскольку не создает позитивного образа социума и индивида как его части, а потому любое национальное государство стремится к подавлению памяти о событиях, нарушающих декларируемую общность национальной традиции). Однако писатель предлагает обществу — которое подспудно ощущает этический дискомфорт, но на самом деле не готово ни к пересмотру представления о себе

исключительно как о героической жертве истории, ни к рефлексии над дискурсом польского патриотизма, ни к испытанию эмоцией коллективного стыда — успокаивающую совесть иллюзию нравственного самоочищения и переживания траура по уничтоженному еврейскому населению Польши.

Ключевые слова

Щипёрский, Холокост, бестселлер, соучастие, чувство вины, общественная дискуссия.

Холокост, значительная часть которого совершалась на территории Польши, глубинно связан с опытом поляков. По словам психиатра М. Орвид — прозвучавшим, подчеркнем, спустя двадцать лет после выхода книги Щипёрского, — «<...> опыт пребывания в роли свидетеля такого рода, даже пассивное участие в Холокосте не может не накладывать свой отпечаток. Если воспользоваться терминологией Юнга, могу сказать: я убеждена, что польское коллективное подсознание переполнено этим преступлением против человечества. Сосредоточенная в этом подсознании агрессия, с моей точки зрения, является причиной многих немотивированных убийств, свидетелями которых мы являемся теперь. <...> Большинство людей не осознает, что носит в себе образ преступления и еще не доросло до чувства вины»¹. Это подтверждает статистика последующих лет (чувство стыда в связи с польско-еврейским прошлым испытывает всего около одной десятой опрошенных, что, правда, больше, чем было зафиксировано в середине 1960-х гг., когда о стыде говорило всего 4,5% респондентов²; во время общепольского опроса в школах почти половина учащихся (46%) на вопрос, что произошло в Едвабне³, от-

1 *Orwid M. Przeżyć... i co dalej? / rozmawiają K. Zimmerer, K. Szwajca. Kraków, 2006. S. 310.*

2 *Kucia M. Polacy wobec Auschwitz, Zagłady i Żydów w świetle badań socjologicznych z 2010 roku i badań wcześniejszych // Antysemityzm, Holokaust, Auschwitz w badaniach społecznych. Kraków, 2011. S. 31. Цит. по: Przymuszała B. Smugi Zagłady. Emocjonalne i konwencjonalne aspekty tekstów ofiar i ich dzieci. Poznań, 2016. S. 140.*

3 Ставшее нарицательным название деревни, где в июле 1941 г. польским населением был осуществлен чудовищный по жестокости еврейский погром.

ветила, что «немцы убили там поляков, укрывавших евреев»; «Исследования общественного мнения показывают, что большинство поляков считает, будто поляки пострадали во время оккупации сильнее, чем евреи»⁴ и т. д.). Фигура еврея до сих пор «остаётся эмблемой Чужого, помогающей обозначить границы польской идентичности, даже при почти полном отсутствии еврейского меньшинства»⁵. В результате проблема «еврейского соседа» всякий раз оказывается точкой отсчета для польского коллективного сознания, для рефлексии о национальной идентичности.

Роман Щипёрского «Начало» (1986) был первым художественным шагом в связанной с (со)участием поляков в Холокосте общественной дискуссии в Польше — и шагом чрезвычайно показательным.

Коротко о предмете этой дискуссии и ближайшей предыстории — в этом контексте — книги Щипёрского. Помощь еврейским соседям отдельные поляки, разумеется, оказывали⁶, однако те, кто помогал, по словам Б. Энгелькинг, достойны уважения и восхищения *еще и потому*, что «вынуждены были действовать в одиночку, во враждебной обстановке, среди людей, которые скептически относились к идее спасения или хотя бы помощи евреям и в лучшем случае молчали, а в худшем — доносили немцам. *Мало было столь одиноких миссий во время гитлеровской оккупации в Польше, как оказание помощи евреям*»⁷ [Здесь и далее курсив мой. — И. А.]. Помимо бездействия на территории Польши происходили и вполне конкрет-

4 J. T. Gross o polskim udziale w Zagładzie: Postawcie pomniki wywiezionym z miasteczek Żydom zamiast Kaczyńskiemu. Rozmowa Sławomira Sierakowskiego // Krytyka Polityczna, 12.02.2018. URL: <http://krytykapolityczna.pl/kraj/jan-tomasz-gross-slawomir-sierakowski-wywiad-polska-antysemityzm-holokaust/> (дата обращения: 07.11.2020).

5 Prof. Barbara Engelking: W sprawie “polskich obozów koncentracyjnych” musimy użyć raczej skalpela niż siekiery. Wywiad // Gazeta.pl Weekend. URL: http://weekend.gazeta.pl/weekend/1,152121,22970864,prof-barbara-engelking-w-sprawie-polskich-obozow-koncentracyjnych.html#Z_MT (дата обращения: 07.11.2020).

6 И поскольку страна немаленькая, а процент еврейского населения был к началу оккупации достаточно высок, этих «отдельных» поляков оказалось достаточно много, чтобы выдвигать сегодня излюбленный обывателем (но и не только) и властью аргумент — «польских» деревьев в Аллее Праведников в музее Яд Вашем больше всего.

7 Prof. Barbara Engelking...

ные действия⁸, и все вместе не может быть названо иначе, чем (со) участие в Холокосте⁹.

Ожесточенная (и поныне не законченная) дискуссия вспыхнула в 1985 г. после первого шока, вызванного показанным по польскому телевидению документальным фильмом Клода Ланцмана «Шоа». Фильм не декларировал, но давал возможность сделать вывод о *пассивности* свидетелей Холокоста на территории Польши и об антисемитизме местного населения. Фильм сочли «антипольским» и осудили как «несправедливое обвинение против поляков, которое заставляет их встать на защиту национальной чести и морали»¹⁰.

8 Gross J. T. Sąsiedzi. Historia Zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny, 2000. S. 58–59; Engelking B. “Szanowny panie gisto””: donosy do władz niemieckich w Warszawie i okolicach w latach 1940–1941. Warszawa, 2003; Tokarska-Bakir J. Rzeczy mgliste. Sejny, 2004; Engelking B. Pamięć: historia Żydów polskich przed, w czasie i po zagładzie. Warszawa, 2004; Bikont A. My z Jedwabnego. Warszawa, 2004; Engelking B. Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim. Warszawa, 2007; Gross J. T. Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków, 2008; Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi. Antropologia przesądu. Warszawa, 2008; Leociak J. Ratowanie. Opowieści Polaków i Żydów. Kraków, 2010; Gross J. T. Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów. Kraków, 2011; Janicka E. Festung Warschau. Warszawa, 2011; Engelking B. Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945. Warszawa, 2011; Tokarska-Bakir J. Okrzyki pogromowe. Szkice z antropologii historycznej Polski lat 1939–1946. Wołowiec, 2012; Tokarska-Bakir J. Pod klątwą. Portret społeczny pogromu kieleckiego. Kraków, 2018. T. 1; Leociak J. Młyny Boże. Zapiski o Kościele i Zagładzie. Wołowiec, 2018; Dalej jest noc. Losy Żydów w wybranych powiatach okupowanej Polski / pod redakcją B. Engelking i J. Grabowskiego. Warszawa, 2018 и др.

9 Потрясением для польского общества явились результаты сложных математических подсчетов, произведенные Я. Т. Гроссом: «Во время войны в оккупированной Польше погибло примерно 2 000 немцев. Прибавь к этому 17 000 немцев, убитых во время сентябрьской кампании в боях с польской армией. Округлив, получаем 20 000. Во время оккупации поляки убили или обрекли на смерть — согласно самым осторожным подсчетам — 200 000 польских евреев. Не требуется высшее математическое образование, чтобы сопоставить эти два числа» (J. T. Gross w rozmowie z Aleksandrą Pawlicką. ... bardzo dawno temu, mniej więcej w zeszły piątek... Warszawa, 2018. S. 194).

10 Steinlauf M. Pamięć nieprzyswojona. Warszawa, 2001. S. 129.

Книга Щипёрского появилась через год и, как уже говорилось, имела необычайный успех в Польше и за границей¹¹ (в течение пяти лет ее перевели на полтора десятка языков, включили в школьную программу, осыпали хвалебными рецензиями, автор получил несколько десятков премий¹²) — и у широкого читателя, и у профессионального.

К числу заслуг автора рецензенты единодушно отнесли три момента, в которых нетрудно увидеть три этапа своего рода «общественного заказа»: обращение к замалчиваемой и болезненной проблеме; разрешение ее в духе единения и согласия; очищение польской совести.

Другими словами, автор «Начала» удивительно точно определил назревшую в обществе задачу и сумел виртуозно найти для востребованного этим обществом ее решения адекватную художественную форму. А точнее — найти форму для создания лишь *иллюзии* такого, потому что спустя год о проблеме польской совести (отнюдь не очищенной умело манипулирующим эмоциями читателя повествованием Щипёрского) заговорил Я. Блоньский, и его эссе «Бедные поляки смотрят на гетто» (1987) — еще достаточно деликатное в сравнении с глубоко потрясшими впоследствии польское общество документальными свидетельствами (опубликованными Я. Т. Гроссом и другими исследователями) — вызвало бурные споры¹³. А ведь

11 Об успехе романа за границей см.: *Jaranowski M.* Fenomen Szczypiorskiego (Trzysta tysięcy Niemców kupiło “Piękną pania Seidenman”) // *Życie Warszawy*. 29.VI.1992. S. 8–9; *Szewczyk G.* Szczypiorski po niemiecku // *Przekład artystyczny*. Т. 3. Tłumaczenia literatury polskiej na języki obce. Katowice, 1992 (“Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego”, 1274). S. 7–21; *Krzemiński A.* Syndrom Szczypiorskiego. Tajemnica sukcesu polskiego pisarza w Niemczech // *Polityka*. 1996. № 6. S. 43–44; *Więckowski A.* Szczypiorski w Niemczech // *Odra*. 2000. № 9. S. 14–19; *Maroszczuk G.* Dyskurs i historie. O powieściach Andrzeja Szczypiorskiego. Katowice, 2004. S. 27–32; *Buras J. S., Biernacki A.* O Początku czyli “Pięknej pani Seidenman” za granicą // *Literatura na Świecie*. 1989. № 5–6. S. 617–624.

12 В числе важнейших премий: Премия еженедельника «Вядомосци Литерацке» (1987), австрийская государственная премия в области европейской литературы (1988), премия Нелли Закс (1990), премия искусства и культуры немецких католиков (1990), премия Гердера (1994), премия «Золотое перо» за заслуги в сближении немецкого и польского народов (1998).

13 Б. Крупа приводит в качестве важнейших голосов в этой дискуссии следующие (*Krupa B.* Opowiadanie Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holocaustu (1987–2003). Kraków, 2013. S. 60–61); *Salmonowicz S.* Głębokie korzenie i długi żywot stereotypów // *Tygodnik Powszechny*. 1987.

Блоньский говорил лишь о *страхе* поляка, опасавшегося, как бы его не сочли «пособником смерти», совершавшейся на польской земле: «Он [этот страх. — *И. А.*] столь ужасен, что мы делаем все, чтобы его отогнать, скрыть от самих себя <...>. Мы ведь чувствуем — что-то получилось не так, как надо. <...> и сознательно или неосознанно — боимся, что нас обвинят. <...> ага, вы тоже служили смерти? Вы тоже помогали убивать? Или, по крайней мере: вы спокойно смотрели, как умирали евреи? <...> Давайте признаем честно: такой вопрос не может не возникнуть. Его обязан задать каждый, кто задумывается о польско-еврейском прошлом <...>. Мы отгоняем его от себя, считая чудовищным, скандальным. Ведь мы не были на стороне убийц. Ведь в очереди в печь мы сами были следующими. Ведь мы с этими евреями сосуществовали — не идеально, но все же. <...> Приходится постоянно всем об этом напоминать. Иначе — что другие о нас подумают? Что мы сами о себе подумаем? Что станет с добрым именем нашей страны, нашего общества?.. Эта забота о “добром имени” неизменно стоит за частными — и в еще большей степени публичными — высказываниями. Иначе говоря, размышляя о прошлом, мы хотим получить моральную выгоду. Даже осуждая, сами хотим оказаться над — или вне — осуждения. Хотим быть абсолютно вне осуждения, хотим остаться совершенно чистыми. Хотим сами быть жертвами — и только... Однако за этим стремлением ощущается подспудный страх <...>, и этот страх искажает, деформирует наши мысли о прошлом. <...> Мы не хотим иметь ничего общего с чудовищным преступлением. Однако чувствуем, что оно нас как-то пятнает, “бесчестит”. Поэтому предпочитаем обо всем этом не говорить. Или говорить только затем, чтобы опровергнуть осуждение. Осуждение как таковое звучит редко, но оно словно бы витает в воздухе. <...> Кровь осталась на стенах, впиталась в землю, хотим мы того или нет. Она впиталась в нашу память, в нас

№ 6. S. 5; *Sila-Nowicki*. Janowi Błońskiemu w odpowiedzi // Tygodnik Powszechny. 1987. № 13. S. 4; *Turowicz J.* Racje polskie i racje żydowskie // Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 1, 4; Czarna dziura. Ze S. Krajewskim rozmawia E. Berberyusz // Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 4; *Rymanowski W.* Siewca antysemityzmu? // Życie Literackie. 1987. № 15. S. 13; *Romanowski A.* Biedni Polacy patrzą na siebie // Znak. 1988. № 5–6. S. 141–159. См. также о дискуссии: *Koźmińska-Frejłak E.* Świadcowie Zagłady — Holocaust jako zbiorowe doświadczenie Polaków // Przegląd Socjologiczny. 2002. № 2. S. 181–206; *Głowiński M.* Esej Błońskiego po latach // Zagłada Żydów. Studia i materiały. 2006. № 2. S. 12–20.

самих. Значит, именно себя мы должны очистить, то есть увидеть себя по правде. Без этого дом, земля, мы сами останемся запятнанными»¹⁴.

Книга Щипёрского интересна не тем, что автор попытался направить рефлексию коллективного (и каждого индивидуального) сознания над польско-еврейским сюжетом в сторону исторической правды, — он этого не сделал. Необычайный успех «Начала» — следствие виртуозно безболезненной художественной актуализации вытеснявшегося общественным сознанием содержания и закрепления уже существующих мифов, позволяющих вывести из-под удара национальную самоидентификацию.

Щипёрский ловко манипулирует читателем при помощи многократно используемого приема сравнения, градации. Прежде всего, автор представляет гитлеровскую оккупацию и послевоенную зависимость от СССР как единую цепь исторических событий, единый процесс переживания польским обществом травмы тоталитарной власти (подавая при этом фашизм как меньшее зло, тоталитаризм «наивный», направленный исключительно на физическое уничтожение человека, в отличие от советского режима — тоталитаризма «изошренного», метившего также и в психику). Кроме того, Щипёрский показывает, что хотя во время войны среди поляков встречались антисемиты, но имелись предатели и среди евреев (что, разумеется, правда, но никоим образом не способствует осмыслению проблемы польского (со)участия в Холокосте). Наконец, автор решительно сдвигает акцент ответственности, утверждая, что хотя немцы и осуществляли «окончательное решение еврейского вопроса в Польше», но по-настоящему довели этот процесс до конца послевоенные коммунисты, изгнав в 1968 году последних уцелевших во время Холокоста евреев (что также никоим образом не снимает вины с польских соседей, выдававших и убивавших соседей еврейских, а также с тех «простых людей», которые в 1968 г. с легкостью подхватили призыв коммунистической власти, действительно решавшей при помощи мощной антисемитской кампании задачи внутрипартийной борьбы).

Якобы декларируя свободу от черно-белых национальных стереотипов (что, в частности, покорило немецких критиков¹⁵), Щипёрский

14 Błoński J. Biedni Polacy patrzą na getto // Tygodnik Powszechny. 1987. № 2. S. 3.

15 Reich-Janicki M. Miejsce akcji — Warszawa // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19.III.1988. Позже опубликована в: Reich-Janicki M. Najpierw żyć, potem igrać. Szkice o literaturze polskiej. Wrocław, 2005.

умело подводит читателя к не менее черно-белым выводам, затрагивающим опять-таки национальную идентичность: русские хуже немцев (немецкие оккупанты действовали жестоко, но методично, русские же — бесчеловечны и непредсказуемы); еврейские антисемиты хуже антисемитов польских (варшавские антисемиты, выступающие в романе, — это довоенные маргиналы, а еврейские антисемиты — неопиты польскости, выкресты, у которых ксенофобия является агрессивной формой вытеснения правды о собственных корнях); польские коммунисты в своем антисемитизме хуже оккупантов (у немцев все же была идея, хоть и преступная и безумная, а послевоенный антисемитизм в Польше был связан с внутрипартийными распрями).

Итак, Щипёрский обращается к небольшой части самого, очевидно, болезненного и постыдного сюжета в истории Польши. Он напоминает о «шмальцовниках»¹⁶, о процветавшем во время оккупации в польском обществе антисемитизме. Однако при этом мастерски контролирует все эти манипуляции с ящиком Пандоры, не позволяя его содержимому потрясти общество и начать процесс очистительной рефлексии. Роман эстетизирует и возвышает функционировавшую в Польше версию, которая гласила, что лучшая часть польского общества вела себя *достойно*, пассивность общества в целом была *вынужденной*, а разобщенный еврейский социум был уничтожен при соучастии *немногочисленных* польских *маргиналов*. Роман ловко переносит акцент повествования на физические или психологические страдания польского народа и уводит читателя от рефлексии над чувством вины и стыда: Щипёрский подчеркивает, что поляки продолжали испытывать не меньшие страдания в послевоенный период (по словам одного из критиков, «антикоммунистический дискурс сработал здесь как бальзам на душу»¹⁷), и успешно перекладывает ответственность на политический режим.

Важнейшей психологической аберрацией, насаждаемой автором и охотно воспринятой читателем, была идея того, что *ностальгия* по утраченному еврейским соседям (как формулирует это Щипёрский в книге интервью спустя несколько лет, «мы осиротели, нам отрубили часть тела, нашего польского организма. Польскость воплотилась столетиями в поддержку евреев, против евреев, но всегда неотъемле-

16 Те, кто во время оккупации шантажировал евреев и укрывавших их поляков.

17 *Nowacki D.* O polsko-niemieckim pojednaniu (w literaturze) // *Literatura i konflikty. Poznańskie Studia Polonistyczne.* 2003. Т. 10. S. 77.

мо от них. И вот вдруг их не стало, вдруг они исчезли»¹⁸) и является собственно *трауром*.

Таким образом, Щипёрский дал польскому обществу середины 1980-х гг. повествование, точно отражавшее то, что оно *хотело о себе думать*. И при этом — что очень важно — дал *иллюзию того, что сделан некий шаг* в сторону исторической правды. В этом смысле нельзя не согласиться с рецензентами — роман действительно «исполнен чувства милосердия по отношению к собственному народу», что это «*katharsis alla Polassa*», что книга «исполнена такта»¹⁹, что она показывает «страдания Польши»²⁰.

Огромный успех романа П. Чаплиньский спустя несколько десятилетий назвал «результатом на редкость удачного выражения коллективных чаяний и мифов»²¹. В самом деле, автору удалось, «умело пробудив демонов, тут же их усыпить», вписать в национальный (направленный на самое себя) траурный ритуал, национальную мартирологию еврейский социум и, не вызывая чувства вины, «поэтизировать и эстетизировать повсеместно функционирующую в Польше версию истории»²². «Начало» стало в польской культуре «не столько романом о войне, сколько — удивительно искусно сконструированной индульгенцией, освобождающей от бремени совместной истории»²³. Индульгенцией красивой, поэтизированной, сентиментальной.

Характерна перспектива, в которой изображается Другой в этом романе — экзотический, завораживающий, прежде всего эротически (в сцене встречи еврейского юноши с польской проституткой использован известный польской литературе²⁴ синтез еврейскости и эротики, а также эхо стереотипа еврея-«вампира»: польская женщина, выступающая здесь своего рода Марией Магдалиной, запятнана контактом с еврейским мужчиной, благородным, но нечистым Чужим; для

18 Początek raz jeszcze. Z Andrzejem Szczypiorskim rozmawia T. Kraśko. Warszawa, 1991. S. 181.

19 Le Nouvel Observateur // Szczypiorski A. Początek. Poznań, 1989. Последняя страница обложки.

20 Le Figaro // Ibidem.

21 *Czaplinski P.* Poruszona mapa. Kraków, 2016. S. 191.

22 Ibid. S. 192.

23 *Czaplinski P.* Polska do wymiany. Późna nowoczesność i nasze wielkie narracje. Warszawa, 2009. S. 83.

24 Отсылающий, например, к роману Ю. У. Немцевича «Лейбе и Сара, или Письма двух любовников» (1821).

мужчины же это своего рода ритуал инициации, дающий ему силу). Подлинным же объектом меланхолии и траура здесь оказывается не этот сметенный с лица земли Другой, а *сами поляки*, утратившие в силу *внешних* обстоятельств (в которых они, следовательно, не повинны) — немецкого фашизма и принесенного СССР, послевоенного тоталитаризма — соседа и теперь элегически о нем тоскующие.

Показательно, что в духе меланхолического воспоминания об экзотическом и завораживающем Другом, хотя и с позиции уже послевоенного поколения, написан также вышедший в следующем году и также невероятно популярный роман Павла Хюлле «Вайзер Давидек». Эта книга не касается непосредственно темы Холокоста, однако загадочное — и загадочно, необъяснимо сильно травмирующее польского героя-повествователя — исчезновение полуфантастического еврейского мальчика представляет собой прозрачную аллюзию на исчезновение еврейского соседа из жизни польского общества в результате войны и антисемитской кампании 1968 г. И здесь тоже в центре — *травма поляка*, который, по остроумному замечанию Чаплинского, «на исторический вопрос <...> ищет метафизический ответ»²⁵. Спустя десятилетие использует поэтическую метафору таинственного исчезновения завораживающего Другого и Марек Беньчик (р. 1956), писатель того же поколения, что и Хюлле, в романе «Творки» (1999): «Соня — тайна этой книги, тайна, тревожащая сознание героев <...>. Тайна Сони невыразима, как невыразима и тайна исчезновения евреев и трагедии Холокоста»²⁶.

Таким образом, Щипёрский *не нарушил* неписанные табу и ненадолго успокоил польское общество. По словам практически единственного тогда скептически настроенного критика Яна Вальца, «хотя стол для духовного пира пан Анджей накрыл щедро, в рот взять особо нечего»²⁷. Щипёрский лишь *подкрепил* польскую «манию собственной невиновности»²⁸, вызванную страхом предстать соучастником Зла, запятнать романтическую роль жертвы приятием роли (со)виновного и заставляющую замалчивать историческую правду, не позволяющую пережить подлинный траур по еврейским соседям, принять представление о себе как о народе, в истории которого, как в истории *любого*, есть постыдные

25 *Czapliński P. Zagłada — niedokończona narracja polskiej nowoczesności // Ślady obecności. Kraków, 2010. S. 354.*

26 *Nadana K. U Pana Boga za piecem // Res Publica Nowa. 1999. № 7–8. S. 105.*

27 *Walc J. Początek żaloszny // Kultura Niezależna. 1987. № 35. S. 132.*

28 *Tokarska-Bakir J. Obsesja niewinności // Tokarska-Bakir J. Rzeczy mgliste. S. 14.*

фрагменты, выработать зрелую модель самоидентификации, побороть мегаломанию мартирологии и нежелание делить ее с кем-либо еще²⁹.

29 Об этом в связи с сегодняшней политической ситуацией и имиджем Польши говорят в интервью О. Токарчук, М. Тулли, Я. Т. Гросс: «Мы выстроили самих себя на ощущении обиды и порожденном ею эгоизме. Мы говорим Европе: “Посмотрите, как мы страдали во время войны, каким насилием стала советская оккупация. Пока вы наживали свое богатство, мы страдали. И теперь имеем моральное право на компенсацию. Нам причитаются с вашей стороны сочувствие и помощь”. Мы не можем примириться с мыслью, что какие-то беженцы займут наше место — место тех, кто постоянно нуждается в помощи. Такое мышление означает, что мы не повзрослели, что мы не умеем быть сильными» (Olga Tokarczuk, laureatka Nike 2015: Ludzie, nie bójcie się! Wywiad // Wyborcza.pl. URL: <https://wyborcza.pl/1,75410,18999849,olga-tokarczuk-laureatka-nike-2015-ludzie-nie-bojcie-sie.html> (дата обращения 07.11.2020)); «— Раньше это мы, поляки, были жертвой войн и бед. — Всегда на первом плане, во всяком случае в своем представлении. Жертва — в центре драмы, она стоит посреди сцены, а помощники копошатся где-то по бокам, менее значительные. Мы привыкли видеть себя в главной роли. Это мы были теми, кому оказывалась помощь. А теперь в роли жертвы — другие. Возможно, как народ мы слишком сосредоточены на себе, чтобы отдать главную роль тем, кто сегодня бежит от бомб. Мы не умеем принять новую роль, из благородной и невинной жертвы превратиться в того, кто сам помогает другим и вряд ли будет оценен так, как ему того бы хотелось» (Tulli M. Jaka piękna iluzja. Kraków, 2017. S. 224); «Нужно, наконец, усвоить эту историческую правду: во время оккупации были герои на баррикадах, но было и множество соотечественников, убитых при содействии наших предков. Давайте, наконец, проговорим это вслух. Впишем в учебники истории. И небо на землю от этого не рухнет. Все страшное, что могло в связи с этим случиться, уже случилось; с этим мы ничего поделать не в силах; исправить в этом кошмарном прошлом мы ничего не можем. Но можем или усложнять себе жизнь и без конца выставлять себя на посмешище, перевертывать собственную историю — вспомним реакцию мирового сообщества на поправки к закону об Институте национальной памяти, — или открыто говорить правду в публичном пространстве и, так сказать, наконец, успокоиться. Тем более что узнать эту правду о периоде оккупации в Польше нетрудно, спасибо прекрасным исследователям, которые эти проблемы подробно описали! Множество обществ на свете имеют темные пятна в своей истории, и нет ничего оскорбительного в том, чтобы осознать, что поляки — такие же люди, как и все прочие. Совсем наоборот. Вот когда Польша изображает из себя ангела <...> ее воспринимают как шута» (J. T. Gross w rozmowie... S. 197–198).

Чтобы все это совершилось, должна быть пережита — в том числе, если не в первую очередь, на уровне поиска адекватного дискурса — эмоция стыда. А переживание чувства исторического стыда в Польше с трудом вербализируется до сих пор³⁰. В истории литературы мотивы стыда «ни в одном варианте повествования, касающегося проблем польской судьбы, не выходили на первый план... Поляк стыдиться не любит, не умеет и не хочет. Уж скорее он предпочтет (горькую) самоиронию»³¹. Стыд вытесняется или охотно подменяется иногда спасительным чувством яростной обиды, иногда, как в описанных случаях, наоборот, — ностальгией и меланхолией. Эстетизируется привычная для польского общественного сознания, психологически безопасная роль героической жертвы истории, совершается головокружительный, в сущности, этический кульбит: даже применительно к чудовищному опыту ближайших соседей — польских евреев — польское общество склонно осмыслять себя как жертву истории.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста. М.: Индрик, 2018. 648 с.

Antysemityzm, Holokaust, Auschwitz w badaniach społecznych / pod redakcją M. Kuci. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011. 174 s.

Bikont A. My z Jedwabnego. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2004. 417, [26] p. il.

Błoński J. Biedni Polacy patrzą na getto // Tygodnik Powszechny. 1987. № 2. S. 1–5.

Buras J. S., Biernacki A. О «Początku» czyli «Pięknej pani Seidenman» za granicą // Literatura na Świecie. 1989. № 5/6. S. 617–624.

Czapliński P. Polska do wymiany. Późna nowoczesność i nasze wielkie narracje. Warszawa: W.A.B., 2009. 379, [3] s.

Czapliński P. Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016. 420 s.

30 См.: *Адельгейм И. Е.* Психология поэтики. Аутопсихотерапевтические функции художественного текста. М., 2018. С. 228–244, 531–539.

31 *Gosk H.* Wychodzenie z “cienia imperium”. Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków, 2015. S. 109.

Czapliński P. Zagłada — niedokończona narracja polskiej nowoczesności // Ślady obecności / red. S. Buryła, A. Molisak. Kraków: Universitas, 2010. S. 337–381.

Czarna dziura. Ze S. Krajewskim rozmawia E. Berberyszus / Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 7–10.

Dalej jest noc. Losy Żydów w wybranych powiatach okupowanej Polski / pod redakcją B. Engelking i J. Grabowskiego. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2018. 400 s.

Engelking B. Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2011. 288 s.

Engelking B. «Szanowny panie gistapo»: donosy do władz niemieckich w Warszawie i okolicach w latach 1940–1941. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2003. 116 s.

Głowiński M. Esej Błońskiego po latach // Zagłada Żydów. Studia i materiały. 2006. № 2. S. 12–20.

Gosk H. Wychodzenie z “cienia imperium”. Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku. Kraków: Universitas, 2015. 264 s.

Gross J. T. Sąsiedzi. Historia Zagłady żydowskiego miasteczka: Pamięci Szmula Wasersztajna. 2. wyd. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2000. 162 s.

Gross J. T. Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków: Znak, 2008. VII, 343 s., [8] л. ил.

Gross J. T., Grudzińska-Gross I. Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów. Kraków: Znak, 2011. 202, [2] s.

J. T. Gross o polskim udziale w Zagładzie: Postawcie pomniki wywiezionym z miasteczek Żydom zamiast Kaczyńskiemu / rozmowa Sławomira Sierakowskiego // Krytyka Polityczna. 12 lutego 2018. URL: <http://krytykapolityczna.pl/kraj/jan-tomasz-gross-slawomir-sierakowski-wywiad-polska-antysemityzm-holokaust> (data обращения: 07.11.2020).

Jan Tomasz Gross w rozmowie z Aleksandrą Pawlicką: «...bardzo dawno temu, mniej więcej w zeszyły piątek...» Warszawa: W.A.B., 2018. 294, [16] s.

Janicka E. Festung Warschau. Raport z oblężonego miasta. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2011. 397 s.

Jaranowski M. Fenomen Szczypiorskiego (Trzysta tysięcy Niemców kupiło «Piękną pania Seidenman») // Życie Warszawy. 1992. 29 czerw.

Koźmińska-Frejlak E. Świadcowie Zagłady — Holocaust jako zbiorowe doświadczenie Polaków // Przegląd Socjologiczny. 2002. № 2. S. 181–206.

Krupa B. Opowiedzieć Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holocaustu (1987–2003). Kraków: Universitas, 2013. 568 s.

Krzemiński A. Syndrom Szczypiorskiego. Tajemnica sukcesu polskiego pisarza w Niemczech // Polityka. 1996. № 6. S. 43–44.

Leociak J. Młyny Boże. Zapiski o Kościele i Zagładzie. Wołowiec: Czarne, 2018. 200 s.

Leociak J. Ratowanie. Opowieści Polaków i Żydów. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2010. 313, [2] s.

Maroszczuk G. Dyskurs i historie. O powieściach Andrzeja Szczypiorskiego. Katowice: Gnome, 2004. 117 s.

Nadana K. U Pana Boga za piecem. Marek Bieńczyk, Tworki // Res Publica Nowa. 1999. № 7/8. S. 103–105.

Nowacki D. O polsko-niemieckim pojednaniu (w literaturze) // Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka / [zespół red. P. Czapliński, Z. Przychodniak, P. Śliwiński]. T. 10 (30): Literatura i konflikty. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2003. (Prace Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza). S. 71–85.

Olga Tokarczuk, laureatka Nike 2015: Ludzie, nie bójcie się!: wywiad / [rozmawia] Dorota Wodecka // Wyborcza.pl. 10.10.2015. URL: <https://wyborcza.pl/1,75410,18999849,olga-tokarczuk-laureatka-nike-2015-ludzie-nie-bojcie-sie.html> (дата обращения: 07.11.2020).

Orwid M. Przeżyć... i co dalej? / rozmawiają K. Zimmerer, K. Szwajca. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006. 346 s.

Pamięć: historia Żydów polskich przed, w czasie i po zagładzie / B. Engelking [et al.]; pod red. naukową Feliksa Tycha. Warszawa: Golda Tencer: Fundacja Shalom, 2004. 224 s.

Prof. Barbara Engelking: W sprawie «polskich obozów koncentracyjnych» musimy użyć raczej skalpela niż siekiery: wywiad / [rozmawia] Mike Urbaniak // Weekend.Gazeta.pl. 02.02.2018. URL: http://weekend.gazeta.pl/weekend/1,152121,22970864,prof-barbara-engelking-w-sprawie-polskich-obozow-koncentracyjnych.html#Z_MT (дата обращения 07.11.2020).

Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / B. Engelking [et al.]; pod red. B. Engelking et al. Warszawa: [Centrum Badań nad Zagładą Żydów], 2007. 681 s.

Przymuszała B. Smugi Zagłady. Emocjonalne i konwencjonalne aspekty tekstów ofiar i ich dzieci. Poznań: WNU im. A. Mickiewicza, 2016. 370 s.

Reich-Janicki M. Miejsce akcji — Warszawa // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1988. 19 März.

Reich-Janicki M. Najpierw żyć, potem igrać. Szkice o literaturze polskiej / przekład: E. Herden. Wrocław: Ossolineum, 2005. 202 s.

Romanowski A. Biedni Polacy patrzą na siebie // Znak. 1988. № 5/6. S. 38–41.

Rymanowski W. Siewca antysemityzmu? // Życie Literackie. 1987. № 15. S. 13.

Salmonowicz S. Głębokie korzenie i długi żywot stereotypów // Tygodnik Powszechny. 1987. № 6. S. 5.

Sila-Nowicki W. Janowi Błońskiemu w odpowiedzi // Tygodnik Powszechny. 1987. № 13. S. 4

Steinlauf M. C. Pamięć nieprzyswojona: Polska pamięć zagłady / przekład: A. Tomaszewska. Warszawa: Cyklady, 2001. 166 s.

Szczypiorski A. Początek. Poznań: Instytut Zachodni, 1989. 184 s.

Szczypiorski A., Kraśko T. Początek raz jeszcze / z Andrzejem Szczypiorskim rozmawia Tadeusz Kraśko. Warszawa: Andy Grafik, 1991. 188 s.

Szewczyk G. Szczypiorski po niemiecku // Przekład artystyczny. T. 3. Tłumaczenia literatury polskiej na języki obce / pod red. P. Fasta. Katowice: Uniwersytet Śląski. Katowice, 1992. (Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego; nr 1274). S. 7–21.

Tokarska-Bakir J. Legendy o krwi. Antropologia przesądu. Warszawa: W.A.B., 2008. 800 s.

Tokarska-Bakir J. Okrzyki pogromowe. Szkice z antropologii historycznej Polski lat 1939–1946. Wołowiec: Czarne, 2012. 400 s.

Tokarska-Bakir J. Pod klątwą. Portret społeczny pogromu kieleckiego. T. 1. Warszawa: Czarna Owca, 2018. 768 s.

Tokarska-Bakir J. Rzeczy mgliste. Eseje i studia / wprowadzenie M. Janion. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2004. 224 s.

Tulli M. Jaka piękna iluzja. Kraków: Znak, 2017. 264 s.

Turowicz J. Racje polskie i racje żydowskie // Tygodnik Powszechny. 1987. № 14. S. 1–4.

Walc J. Początek żaloszny // Kultura Niezależna. 1987. № 35. S. 129–133.

Więckowski A. Szczypiorski w Niemczech // Odra. 2000. № 9. S. 14–19.

References

Adelgeym, I. E. *Psikhologija poetiki. Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta*. Moscow: Indrik, 2018, 648 p.

Bikont, A. *My z Jedwabnego*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2004, 417, [26] p.: il.

Błoński, J. “Biedni Polacy patrzą na getto.” *Tygodnik Powszechny*, no. 2, 1987, pp. 1–5.

Buras, J. S., and A. Biernacki. “O ‘Początku’ czyli ‘Pięknej pani Seidenman’ za granicą.” *Literatura na Świecie*, no. 5–6, 1989, pp. 617–624.

Czapliński, P. *Polska do wymiany. Późna nowoczesność i nasze wielkie narracje*. Warszawa: W.A.B., 2009, 379, [3] p.

Czapliński, P. *Poruszona mapa. Wyobrażenia geograficzno-kulturowa polskiej literatury przełomu XX i XXI wieku*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2016, 420 p.

Czapliński, P. “Zagłada — niedokończona narracja polskiej nowoczesności.”

Ślady obecności, ed. by S. Buryła, A. Molisak, Kraków: Universitas, 2010, pp. 337–381.

“Czarna dziura. Ze S. Krajewskim rozmawia E. Berberysz.” *Tygodnik Powszechny*, no. 14, 1987, pp. 7–10.

Engelking B. *Jest taki piękny słoneczny dzień... Losy Żydów szukających ratunku na wsi polskiej 1942–1945*. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2011, 288 p.

Engelking B. *‘Szanowny panie glistapo’: donosy do władz niemieckich w Warszawie i okolicach w latach 1940–1941*. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2003, 116 p.

Engelking, B., and J. Grabowski, editors. *Dalej jest noc. Losy Żydów w wybranych powiatach okupowanej Polski*. Warszawa: Centrum Badań nad Zagładą Żydów, 2018, 400 p.

Engelking, B., et al. *Pamięć: historia Żydów polskich przed, w czasie i po zagładzie*, ed. by F. Tych. Warszawa: Golda Tencer: Fundacja Shalom, 2004. 224 p.

Engelking, B., et al. *Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim*. Warszawa: [Centrum Badań nad Zagładą Żydów], 2007, 681 p.

Głowiński, M. “Esej Błońskiego po latach.” *Zagłada Żydów. Studia i materiały*, no. 2, 2006, pp. 12–20.

Gosk, H. *Wychodzenie z ‘cienia imperium’. Wątki postzależnościowe w literaturze polskiej XX i XXI wieku*. Kraków: Universitas, 2015, 264 p.

Gross, J. T. *Sąsiedzi. Historia Zagłady żydowskiego miasteczka: Pamięci Szmula Wasersztajna*. 2. wyd., Sejny: Fundacja Pogranicze, 2000, 162 p.

Gross, J. T. *Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści*. Kraków: Znak, 2008, VII, 343 p., [16] p. with ill.

Gross, J. T., and I. Grudzińska-Gross. *Złote żniwa. Rzecz o tym, co się działo na obrzeżach zagłady Żydów*. Kraków: Znak, 2011, 202, [2] p.

“J. T. Gross o polskim udziale w Zagładzie: Postawcie pomniki wywiezionym z miasteczek Żydom zamiast Kaczyńskiemu, rozmowa Sławomira Sierakowskiego.” *Krytyka Polityczna*, 12 Febr. 2018, <http://krytykapolityczna.pl/kraj/jan-tomasz-gross-slawomir-sierakowski-wywiad-polska-antysemityzm-holokaust>. Accessed 7. Nov. 2020.

Jan Tomasz Gross w rozmowie z Aleksandrą Pawlicką: ‘...bardzo dawno temu, mniej więcej w zeszły piątek...’ Warszawa: W.A.B., 2018, 294, [16] p.

Janicka, E. *Festung Warschau. Raport z obłożonego miasta*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2011, 397 p.

Jaranowski, M. “Fenomen Szczypiorskiego (Trzysta tysięcy Niemców kupiło ‘Piękną panią Seidenman’).” *Życie Warszawy*, 29 June 1992.

Koźmińska-Frejłak, E. “Świadkowie Zagłady — Holocaust jako zbiorowe doświadczenie Polaków.” *Przegląd Socjologiczny*, no. 2, 2002, pp. 181–206.

Krupa, B. *Opowiedzieć Zagładę. Polska proza i historiografia wobec Holocaustu (1987–2003)*. Kraków: Universitas, 2013, 568 p.

Krzemiński, A. "Syndrom Szczypiorskiego. Tajemnica sukcesu polskiego pisarza w Niemczech." *Polityka*, no. 6, 1996, pp. 43–44.

Kucia, M., editor. *Antysemityzm, Holokaust, Auschwitz w badaniach społecznych*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011, 174 p.

Leociak, J. *Młyny Boże. Zapiski o Kościele i Zagładzie*. Wołowiec: Czarne, 2018, 200 p.

Leociak, J. *Ratowanie. Opowieści Polaków i Żydów*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2010, 313, [2] p.

Maroszczyk, G. *Dyskurs i historie. O powieściach Andrzeja Szczypiorskiego*. Katowice: Gnome, 2004, 117 p.

Nadana, K. "U Pana Boga za piecem. Marek Bińczyk, Tworki." *Res Publica Nowa*, no. 7/8, 1999, pp. 103–105.

Nowacki, D. "O polsko-niemieckim pojednaniu (w literaturze)." *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Literacka*, vol. 10 (30): *Literatura i konflikty*, Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2003, pp. 71–85.

"Olga Tokarczuk, laureatka Nike 2015: Ludzie, nie bójcie się!: wywiad, [rozmawia] Dorota Wodecka". *Wyborcza.pl*, 10 Oct. 2015, <https://wyborcza.pl/1,75410,18999849,olga-tokarczuk-laureatka-nike-2015-ludzie-nie-bojcie-sie.html>. Accessed 7. Nov. 2020.

Orwid, M. *Przeżyć... i co dalej? Rozmawiają K. Zimmerer, K. Szwajca*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006, 346 p.

"Prof. Barbara Engelking: W sprawie 'polskich obozów koncentracyjnych' musimy użyć raczej skalpela niż siekiery: wywiad, [rozmawia] Mike Urbaniak." *Weekend.Gazeta.pl*, 2 Febr. 2018, http://weekend.gazeta.pl/weekend/1,152121,22970864,prof-barbara-engelking-w-sprawie-polskich-obozow-koncentracyjnych.html#Z_MT. Accessed 7. Nov. 2020.

Przymuszała, B. *Smugi Zagłady. Emocjonalne i konwencjonalne aspekty tekstów ofiar i ich dzieci*. Poznań: WNU im. A. Mickiewicza, 2016, 370 p.

Reich-Janicki, M. "Miejsce akcji — Warszawa." *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 19 March 1988.

Reich-Janicki, M. *Najpierw żyć, potem igrać. Szkice o literaturze polskiej*. Translated from German by E. Herden, Wrocław: Ossolineum, 2005, 202 p.

Romanowski, A. "Biedni Polacy patrzą na siebie." *Znak*, no. 5/6, 1988, pp. 38–41.

Rymanowski, W. "Siewca antysemityzmu?" *Życie Literackie*, no. 15, 1987, p. 13.

Salmonowicz, S. "Głębokie korzenie i długi żywot stereotypów." *Tygodnik Powszechny*, no. 6, 1987, p. 5.

Siła-Nowicki, W. "Janowi Błońskiemu w odpowiedzi." *Tygodnik Powszechny*, no. 13, 1987, p. 4.

Steinlauf, M. C. *Pamięć nieprzyswojona: Polska pamięć zagłady*. Translated from English by A. Tomaszewska, Warszawa: Cyklady, 2001, 166 p.

- Szczypiorski, A. *Początek*. Poznań: Instytut Zachodni, 1989, 184 p.
- Szczypiorski, A. and T. Kraśko. *Początek raz jeszcze*. Z Andrzejem Szczypiorskim rozmawia Tadeusz Kraśko, Warszawa: Andy Grafik, 1991, 188 p.
- Szewczyk, G. "Szczypiorski po niemiecku." *Przekład artystyczny, vol. 3: Tłumaczenia literatury polskiej na języki obce*, ed. by P. Fast, Katowice: Uniwersytet Śląski. Katowice, 1992, pp. 7–21.
- Tokarska-Bakir, J. *Legends o krwi. Antropologia przesądu*. Warszawa: W.A.B., 2008, 800 p.
- Tokarska-Bakir, J. *Okrzyki pogromowe. Szkice z antropologii historycznej Polski lat 1939–1946*. Wołowiec: Czarne, 2012, 400 p.
- Tokarska-Bakir, J. *Pod klątwą. Portret społeczny pogromu kieleckiego*, vol. 1. Warszawa: Czarna Owca, 2018, 768 p.
- Tokarska-Bakir, J. *Rzeczy mgliste. Eseje i studia*. Wprowadzenie M. Janion, Sejny: Fundacja Pogranicze, 2004, 224 p.
- Tulli, M. *Jaka piękna iluzja*. Kraków: Znak, 2017, 264 p.
- Turowicz, J. "Racje polskie i racje żydowskie." *Tygodnik Powszechny*, no. 14, 1987, pp. 1–4.
- Walc, J. "Początek żalony." *Kultura Niezależna*, no. 35, 1987, pp. 129–133.
- Więckowski, A. "Szczypiorski w Niemczech." *Odra*, no. 9, 2000, pp. 14–19.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Adel'gejm I. E.

**A poeticised indulgence. "The Beginning" by Andrzej Szczypiorski:
A story of success**

Irina Adel'gejm

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Citation

Adel'gejm I. E. A poeticised indulgence. "The Beginning" by Andrzej Szczypiorski: A story of success // *Slavic Almanac*. 2021. № 1–2. P. 346–364 (In Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.4.01

Received: 20.11.2020.

Abstract

The article dwells upon the reception of the novel “The Beginning” (“The Beautiful Mrs. Seidenman”) by Andrzej Szczypiorski. The success of the book turned out to be an extremely clear evidence of the then state of the Polish society in terms of the attitude to the problem of participation / non-participation of Poles in the fate of Jews during the Holocaust and the development of a language adequate to this trauma. The reception of the novel once again showed that the sale of book products directly depends on its ability to indulge the requirements of a wide segment of consumers — but this does not necessarily apply to low genres. Szczypiorski’s “The Beginning” was the first artistic step in a public discussion concerning probably the most painful story in the history of Poland. The historical truth associated with it, on being silenced for decades, makes its way into the bright field of consciousness, even though with great difficulty and provoking resistance in various circles of the society. The experience of shame is hardly included into the baggage of memory, since it does not create a positive image of society and the individual as a part of it, and therefore any nation state seeks to suppress the memory of events that violate the declared commonality of the national tradition. However, the writer offers the society — which latently feels ethical discomfort, but in fact is not ready neither to revise the idea of itself as of a solely heroic victim of history, nor to reflect on the discourse of Polish patriotism, or to experience the emotion of collective shame — the illusion of moral self-purification and mourning for the exterminated Jewish population of Poland to soothe the conscience.

Keywords

Szczypiorski, Holocaust, bestseller, complicity, guilt, public discussion.